

Неужели что-то случилось...

Сюнь Дуаньчэн повторял это про себя, словно обезумевший, врываясь в купальню. Он был охвачен таким жгучим беспокойством, так боялся, что наемные убийцы могли навредить Жунь Цину, что от этого ужаса у него перехватило дыхание. Он мог встретить лицом к лицу любую опасность, но не мог допустить, чтобы пострадал кто-то из близких.

Увиденная картина заставила его бешено колотившееся сердце внезапно утихнуть: Жунь Цин, прислонившись головой к банной подушке, мирно спал в выложенном синим камнем бассейне, словно послушный котенок.

— Уснул? Видимо, совсем выбился из сил, — Сюнь Дуаньчэн почувствовал, как тяжелый груз упал с его плеч, и облегченно выдохнул.

Купальня была спроектирована искусно: по дну проходил скрытый канал с горячей водой, поддерживавший постоянную температуру. Сюнь Дуаньчэн поспешно вытер волосы Жунь Цина банным полотенцем, бережно вынул его из воды, закутал в плотный хлопковый халат и на руках отнес в гостевую спальню, уложив на кушетку. Жунь Цин дышал ровно и глубоко, так и не проснувшись.

Сюнь Дуаньчэн сел на край кровати, вглядываясь в изящные черты спящего. Длинные, словно птичьи перья, ресницы чуть подрагивали в такт дыханию, а белая, как баранье сало, кожа отливала нежным розовым оттенком. Неизвестно, что ему приснилось, но уголки губ слегка приподнялись в безмятежной и довольной улыбке.

Кадык Сюнь Дуаньчэна дернулся, пальцы непроизвольно сжались. Он почувствовал, как его рассудок пожирает какое-то странное чувство — это была почти безумная одержимость, словно хищник, присмотревший беззащитную добычу. Это ощущение одновременно возбуждало и пугало его.

За дверью раздался тихий стук. Сюнь Дуаньчэн очнулся, поднялся и, подойдя к выходу, приоткрыл створку. Хуянь за дверью доложил:

— Господин, убийца схвачен. Желаете допросить его лично?

Сюнь Дуаньчэн встал боком, загораживая Хуяню обзор, и понизил голос:

— Доставьте его в тайную комнату, я скоро буду.

Он оглянулся на мирно спящего Жунь Цина и тихо прикрыл дверь. Глубоко вдохнув, он прошел по галерее, направился в скрытый флигель, отворил потайную дверь и шагнул в темницу.

В центре комнаты на коленях стоял мужчина со связанными за спиной руками. Увидев Сюнь Дуаньчэна, он вспыхнул яростью и попытался подняться, но стражники по обе стороны

прижали его к полу, не давая пошевелиться. Лицо его показалось Сюнь Дуаньчэну знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел.

— Кто тебя прислал? — голос Сюнь Дуаньчэна был холоден, как лед.

На губах пленника заиграла насмешливая улыбка:

— А кто, по-твоему, в этом мире смеет мне приказывать? Разумеется, я сам пришел за твоей собачьей головой!

— Дерзость! — рывкнул один из стражников, заноса руку для удара.

Сюнь Дуаньчэн остановил его коротким взглядом.

— Те убийцы, что приходили вчера, были с тобой заодно?

Пленник плюнул и сквозь зубы процедил:

— Проклятье, не удалось прикончить тебя одним махом, вот же неудача!

Сюнь Дуаньчэн не рассердился, а лишь холодно усмехнулся:

— Раз так, может, расскажешь, почему ты так жаждешь моей смерти?

Мужчина поднял голову, и в его глазах закипела ненависть:

— Этот старый пес Сюнь Чжисун ради своих амбиций готов уничтожить даже своих! Мой отец был его сородичем, долгие годы служил ему верой и правдой! А эта тварь, только потому, что мой отец настаивал на переговорах с э-то, навесила на него ярлык предателя! Вы, отец и сын, карабкаетесь вверх по горам трупов, неужели не боитесь, что однажды сами рухнете вниз? Этот долг вы рано или поздно вернете!

Услышав это, Сюнь Дуаньчэн наконец узнал его — это был Жун, сын Ганьда. В свое время в армии Жун слыл отважным воином. Ганьда в молодые годы прославился великими подвигами, но позже склонился к партии мира и был казнен самим Сюнь Дуаньчэном по обвинению в измене.

Когда Сюнь Дуаньчэн собственноручно казнил Ганьда, ему было всего четырнадцать. Это была его первая казнь близкого человека, к тому же — прославленного левого вице-маршала. Он отчетливо помнил, как седовласый старик, стоя на коленях у его ног, подставил шею под меч, и в его выражении читалось странное облегчение.

Тогда он не понимал, зачем высокопоставленный сородич пошел на бунт. Он знал лишь одно: мятеж — тягчайшее преступление, а выполнение приказа императора — верность государству.

Спустя годы Сюнь Дуаньчэн осознал: мятеж Ганьда не был вызван лишь жадностью. Когда император Тай-цзу передал трон своему брату Сянь-цзуну, а тот позже вернул престол внуку Тай-цзу, а не своему старшему сыну Ганьда, сколько обиды накопилось в сердце последнего? К тому же, как бы осторожен он ни был, он не мог избыть подозрений того, кто сейчас сидел на троне.

Сюнь Дуаньчэн начал понимать, что в этом омуте власти верность и предательство отделяет лишь один миг, а борьба за трон — это не просто наследование крови, а смертельная игра, полная амбиций и превратностей судьбы.

В той погоне Сюнь Дуаньчэн, будучи слишком юным, едва не попал в засаду, а что было еще больнее — потерял своего лучшего друга. После этого он нашел предлог, чтобы оставить службу, и несколько лет бесцельно прожил в Шэнцзине.

Несколько лет назад, под настойчивым давлением императора Шао-цзуна, он с неохотой занял должность Сычэня в Управлении астрономии, коротая дни за изучением звезд, вдали от придворных распрей.

Сюнь Дуаньчэн бесстрастно произнес:

— Твой отец занимал пост левого вице-маршала, но из корыстных побуждений тайно сговорился с э-то. Доказательства неопровержимы. Когда все раскрылось, он попытался бежать с армией. Я по приказу императора преследовал его с пятью тысячами элитных воинов и казнил на месте. Мой отец, помня о родстве, пощадил вас, братьев, и просил императора сохранить вам жизни. Теперь же ты неблагодарен и платишь злом за добро — не вини меня в жестокости.

Жун, услышав это, еще сильнее рассвирепел:

— Сохранили жизни? Ха! Не строй из себя святошу! Знаешь ли ты, какой ад я прошел? Мой младший брат не вынес мучений и сам наложил на себя руки! Вы, псы, продающие жизнь императору за грязную работу, думаете, что за пару подлых дел получите богатство и почет? Не мечтайте! Тот, кто на троне, сегодня использует вас, а завтра выкинет как мусор или вовсе прикончит. Убивай, делай что хочешь, я посмотрю, долго ли ты будешь торжествовать! Когда настанет и твой черед, увидимся на том свете!

Взгляд Сюнь Дуаньчэна потемнел, голос стал ледяным:

— Твой сегодняшний поступок не оставляет пути назад.

Он сделал стражникам знак — казнить.

Жун, увидев это, решился на последнее. Он резко вскочил с пола, выхватил меч из ножен стражника и бросился на Сюнь Дуаньчэна с быстротой леопарда — никто из охраны не успел среагировать.

— Сдохни! — взревел Жун.

— Не вини меня, — Сюнь Дуаньчэн уклонился от клинка и, прильнув к уху Жуна, прошептал: — Ты сам этого хотел.

Не успел он закончить, как короткий клинок из его рукава, словно молния, вонзился точно в сердце врага. Меч выпал из рук Жуна, и он рухнул навзничь.

...

Вернувшись в чайную комнату, Сюнь Дуаньчэн опустил руки в чашу с узором двух рыб. Кровь расплзалась в чистой воде, словно зловещие красные лотосы, обжигая его так, что голова раскалывалась от боли. Кровавое пятно безмолвно расширялось, превращаясь в его глазах в грязный водоворот, от которого тошнило.

Жун был прав: положение Сюнь Дуаньчэна ничем не отличалось от судьбы Ганьда. Рожденные в императорском роду, они были прикованы к колесу судьбы, и их жизнь, честь и позор зависели лишь от прихоти того, кто стоял выше. Завтра тем, кто покорно подставит шею под меч, мог стать он сам.

Если любая борьба бессмысленна —

Тогда лучше тонуть в одиночку.

К чему тянуть в эту грязную пучину невинного человека, чтобы он погиб вместе с ним?

<http://bllate.org/book/19776/1948388>